

κ. κ. Νικόλαος Δημητρακόπουλος, Δημ. Παπούλιας, Ἀντ. Μομφερᾶτος. Πάντες οἱ εἶναι γνωστοὶ βεβαίως εἰς τοὺς ἀναγνώστας τῶν „Βυζαντινῶν Χρονικῶν“ ἐκ πολλῶν καὶ καλῶν δημοσιευμάτων ἀναφερομένων εἰς τὸν Βυζαντιακὸν καὶ Νεοελληνικὸν πολιτισμὸν. Ἀστυχῶς οἱ κ. κ. Πέτρος Π. Παπαγεωργίου καὶ Νικόλαος Δημητρακόπουλος, παρ' ὧν τις τοσαῦτα ὡς καθηγητῶν ἀνέμενε, δὲν ἀπεδέχθησαν τοὺς διορισμοὺς αὐτῶν.

ΝΙΚΟΣ Α. ΒΕΗΣ.

3. РАЗНЫЯ СВѢДѢНІЯ.

Объ авторѣ Виритской легенды¹⁾.

Въ 787 г., во время возстановленія иконопочитанія, когда на Никейскомъ соборѣ св. отцы приводили свидѣтельства о святости иконъ „отъ писанія“, прочитана была повѣсть святого или иже во святыхъ отца нашего Аѳанасія, иногда съ помѣткою „Александрійскаго“²⁾.

Вслѣдствіе такого надписанія повѣсть эта уже съ давняго времени была отнесена къ sregia св. Аѳанасія, патріарха Александрійскаго (326—373). И дѣйствительно, она по иконодульной тенденціи положительно не можетъ быть приписана этому великому отцу церкви.

Ученые, разсматривавшіе повѣсть и интересовавшіеся личностью ея автора, однако доселѣ не могутъ придти къ какому либо положительному выводу, прежде всего хотя бы на счетъ времени жизни этого св. Аѳанасія (Александрійскаго). Одни (Константинъ Икономъ) относили его къ 450 году, другіе (проф. А. С. Архангельскій) къ VI—VII в., третьи (архіеп. Филаретъ Гумилевскій) къ VII в., наконецъ четвертые (Бароній, Кевъ, Ламбекъ, Лекенъ) къ VIII столѣтію и еще точнѣе къ 765 или 781 году. И дѣйствительно, приуроченіе автора легенды къ любому изъ названныхъ вѣковъ не имѣетъ за собою строгихъ и вполне убѣдительныхъ доказательствъ. Ἀθανάσιος Ἀλεξανδρείας — это, по К. Иконому, Аѳанасій, пресвитеръ Александрійскій. Но не говоря уже о томъ, что въ V в. не могло еще возникнуть остраго вопроса объ иконахъ, самое толкованіе греческаго ученаго явно неправильное, такъ какъ Ἀθανάσιος Ἀλεξανδρείας значить: Аѳанасій епископъ (а не пресвитеръ) Александрійскій. О VI и VII вв. не можетъ быть рѣчи потому, что обѣ эти даты явились въ ученой литературѣ совершенно случайно, какъ результатъ опечатокъ, и такимъ образомъ наибольшаго вниманія заслуживаетъ лишь VIII-е столѣтіе.

Поздній (XII в.) западный хронистъ Sigebertus Gemblacensis впервые замѣтилъ, что описанный въ повѣсти случай имѣлъ мѣсто въ Бей-

1) Ср. „Визант. Врем.“ XV (1908) стр. 287 слл.

2) Migne, Patr. graeca, XXVIII, 805—812.

рутѣ въ царствованіе имп. Константина и Ирины (780—798), и Бароній, сопоставивъ это свидѣтельство съ актами VII собора, приурочилъ событіе къ 781 году. Ученые обрадовались столь точной датировкѣ якобы факта и съ-горяча вообразили, что и авторъ повѣсти, св. Аѳанасій (Александрійскій), жилъ около того же времени, во всякомъ случаѣ въ VIII вѣкѣ. Это обычная ошибка, когда на литературный памятникъ смотрять съ исторической точки зрѣнія.

Когда видишь передъ собою легенду, каковой и является Виритская повѣсть, къ ней должна быть приложена своя, литературная, точка зрѣнія, свой литературный критерій. Легенда сначала долго бродитъ въ устномъ народномъ преданіи и записывается обыкновенно въ позднее время, являясь голосомъ-отвѣтомъ на жгучіе вопросы современности. Если бы она была записана тотчасъ послѣ самого случая, это уже не была бы легенда, это былъ бы опредѣленный историко-литературный фактъ, почти лишенный чудесности, этого важнѣйшаго признака легенды.

Ошибка ученыхъ шла далѣе. Они находили историческое указаніе и въ томъ фактѣ, что повѣсть эта читалась на соборѣ 787 года, стало быть она тогда уже существовала записанною на пергаментѣ. Это ошибочно. Такъ какъ здѣсь на лицо не историческій фактъ, а литературное преданіе, подобный историческій критерій является очень рискованнымъ. Легенды и повѣсти въ качествѣ средствъ убѣжденія слушателей и читателей свободно циркулировали не только въ народѣ, но и среди образованнаго, въ тѣ времена совсѣмъ некритичнаго общества. Въ средніе вѣка ради цѣли, *ad majorem Dei gloriam*, не брезговали даже матеріальными средствами, тѣмъ болѣе не стѣснялись литературными; странствующіе сюжеты вставлялись заднимъ числомъ, лишь бы они приходились къ потребностямъ данной минуты, *ad hoc*, и никто не обращалъ на это вниманія. Вообще мы хотимъ думать, что Виритская повѣсть, записанная напр. въ IX в., могла быть введена въ самые акты собора 787 года для большаго прославленія святости иконъ.

Теоретическое положеніе о появленіи легенды въ IX в. можетъ быть подкрѣплено и болѣе существеннымъ образомъ — находкою св. Аѳанасія, кажется патріарха Александрійскаго, въ IX вѣкѣ. Достопочтенный о. пресвитеръ Нир. Delehaye не видитъ здѣсь патріарха¹⁾; поэтому мы еще разъ вкратцѣ приведемъ наши основанія.

Въ житіи св. Павла Латрсакаго, написанномъ въ X вѣкѣ, между прочимъ читается слѣдующее: „Аѳанасій, удостоившійся поставить столпъ, сообщаетъ великому Павлу Латрскому о другомъ нерукотворномъ столпѣ, которымъ пользовался славный²⁾ Аѳанасій, — разумію

1) *Analecta Bolland.* XXX (1911), 370—371.

2) *ὁ πολύς*, довольно рѣдкое употребленіе слова въ значеніи „отмѣнный, выдающійся“. Ср. у Метафраста *πολύς τῆν* и *πολύς περὶ τῆν* (V. S. *Evdocimi*, a *Metaphr.*, p. 7, 8).

не того, который украшалъ Александрійскій престолъ много лѣтъ ранѣе, но другого, соименнаго, если не сказать смѣлѣе — единоравнаго и единоревностнаго, по одному времени отстоявшаго (отъ перваго) на очень много лѣтъ: онъ жилъ во времена Михайла (820—829), который былъ приверженцемъ иконоборческой ереси. Этотъ славный Аѳанасій, когда эта ересь была еще въ силѣ, выходитъ изъ столицы и, достигнувъ Латрской горы, восходитъ на этотъ нерукотворный столпъ, въ которомъ жилъ затворникомъ 22 года. Затѣмъ онъ вышелъ отсюда и поселился въ монастырь Аѳацскомъ, въ Фригійи, и здѣсь умеръ, знаменательно освѣтивъ жизнь величайшими чудесами¹⁾. Изъ этого мѣста, намъ кажется, довольно ясно выступаетъ мысль, что агіографъ имѣетъ въ виду Аѳанасія, именно патріарха и именно Александрійскаго, жившаго при имп. Михайлѣ Травлѣ.

О. Delehaue говоритъ, что Аѳанасій житія рисуется облеченнымъ въ рясу, а не одѣтымъ въ митру. Ничего подобнаго! онъ не представляется, съ перваго взгляда ни тѣмъ, ни другимъ, а просто является аскетомъ, подвизавшимся на столпѣ, какъ мы въ свое время указывали, чуть ли не нагимъ (*ψιλός*). Но что онъ былъ ранѣе того патріархомъ, явствуетъ изъ связи его съ императоромъ. Какъ извѣстно, византійцы при посредствѣ имени царя опредѣляли время жизни только патріарховъ, равно какъ при посредствѣ имени патріарха опредѣляли время жизни епископа, монаха или паломника. Аѳанасій жилъ при царѣ Михайлѣ, — значитъ, это — патріархъ Аѳанасій.

Что этотъ патріархъ Аѳанасій имѣлъ отношеніе къ Александріи, довольно наглядно видно изъ чтенія выше приведеннаго мѣста житія. Я, говоритъ агіографъ, разумѣю не того Аѳанасія Александрійскаго, который жилъ давно (значитъ Аѳанасія I), а другого, соименника, человѣка такой же жизни и такой же ревности. Какъ видно, полнѣйшее соотвѣтствіе между св. Аѳанасіемъ I Александрійскимъ и св. Аѳанасіемъ II, очевидно тоже Александрійскимъ. Сравненіе дѣлалось всегда въ сферѣ одного патріархата: съ Аѳанасіемъ I Александрійскимъ сравнивался Аѳанасій II, значитъ тоже Александрійскій, ибо съ первымъ не могло быть сопоставленія напр. св. Аѳанасія Аѳонскаго, какъ святого изъ другого патріархата.

Какъ мы говорили и ранѣе, такъ продолжаемъ думать и теперь, что св. Аѳанасій IX в. могъ быть сначала подвижникомъ Студійскаго монастыря, откуда и быть назначеннымъ на Александрійскій престолъ (ок. 817 г.). Послѣ отреченія своего (ок. 825 г.) онъ могъ вернуться снова въ Студій и отсюда уже удалился въ Малую Азію. Почему агіографъ не упомянулъ о его патріаршествѣ въ Александріи, само собою понятно: говоря о св. Аѳанасіи I Александрійскомъ, онъ пред-

1) V. S. Pauli Junioris in monte Latro. Bruxellis 1892 (Anal. Boll. XI) p. 42—44.

ставилъ ему полную параллель въ видѣ другого св. Аѳанасія (т. е. Аѳанасія II), такой же жизни и такой же ревности. Прибавлять, что и этотъ Аѳанасій II также украшалъ Александрійскій престолъ, значило повторяться въ одной фразѣ.

О. Нір. Delehaue вторично заявилъ, что онъ не видитъ намека на патріарха, а мы вторично настаиваемъ, что патріархъ и патріархъ Александрійскій можетъ быть подразумѣваемъ.

Кажется, мы оба исчерпали свои взгляды на личность Аѳанасія, но не сошлись въ опредѣленіи ея. Поэтому послѣ настоящаго обмѣна мнѣній полезно и желательно теперь выслушать незаинтересованныя стороны.

Хр. Лопаревъ.

Сорокалѣтіе ученой дѣятельности академика Ѳ. И. Успенскаго.

Въ нынѣшнемъ году исполнилось сорокъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ въ 1872 г. появился первый печатный трудъ извѣстнаго нашего византиниста Ѳ. И. Успенскаго. По этому поводу состоялось въ Одессѣ торжественное засѣданіе Историко-филологическаго Общества при Имп. Новороссійскомъ Университетѣ, и проф. М. Г. Попруженко произнесъ въ честь юбиляра рѣчь, которую затѣмъ выпустилъ отдѣльной брошюрой. Первое сочиненіе Ѳ. И. Успенскаго подъ заглавіемъ „Первыя славянскія монархіи на сѣверо-западѣ“ встрѣтило очень благопріятный отзывъ В. Г. Васильевскаго, замѣтившаго, что оно не только въ частности лучшее историческое обзорѣніе судебъ польскаго и чешскаго государствъ, но и вообще необходимая и цѣнная принадлежность всякой избранной русской исторической бібліотеки. Черезъ два года послѣ этого напечатана была магистерская диссертация Ѳ. И. Успенскаго „Византійскій писатель Никита Акоминать изъ Хонъ“, которая остается до сихъ поръ единственнымъ изслѣдованіемъ объ этомъ византійскомъ писателѣ. Въ 1879 г. появилась его докторская диссертация „Образованіе второго болгарскаго царства“, основанная въ значительной степени на рукописномъ матеріалѣ. Возникновеніе второго болгарскаго царства изображено авторомъ, какъ результатъ очень сложныхъ отношеній на Балканскомъ полуостровѣ пѣлаго ряда народностей другъ къ другу вообще и къ Византіи въ частности. На фонѣ этихъ отношеній, столкновеній, домогательствъ, всякихъ исканій и выросло царство болгарскихъ Асеней, сумѣвшихъ использовать возникшее движеніе и явившихся его выразителями. Диссертация Ѳ. И. Успенскаго представляетъ выдающуюся работу, по достоинству награжденную Уваровской преміей.

Вслѣдъ за тѣмъ нашъ византинистъ занялся разработкой вопросовъ землевладѣнія и кромѣ того накопляетъ матеріалы и по другимъ отраслямъ внутренней исторіи Византіи. Большую важность представ-